

Однако, виднеется что-то вдали

Моск. правда - 2001 - 19 июля - с. 7.

Наверное, одна из самых страшных формул, с которой я сталкивался в своей жизни, это холодное: «Незаменимых людей нет». Мне кажется, что режиссер Театра на Набережной Федор Сухов решил своей жизнью опровергнуть это изречение. Каждый момент нашего бытия прекрасен, исключителен и неповторим - утверждает он своим творчеством.

Меня потряс рассказ о том, как однажды ему довелось создавать импровизационный спектакль на Тайване, в котором принимали участие больные дети. Забинтованные руки, ноги...

- Среди них, - рассказывает Федор, - был ребенок, у которого нога была целиком в гипсе. Мальчишка не мог передвигаться. Так вот поляну, на которой встречаются герои «Красной Шапочки», дети решили нарисовать на этой самой зафиксированной ноге. А на единственном двигающемся большом пальце, высовывающемся из бинтов, была изображена Божья Коровка. Она все время радостно шевелилась. Это была общая работа, и ребята понимали, что в здоровом состоянии такой спектакль уже невозможно будет повторить.

Философия творчества Федора Сухова чем-то напомнила мне притчи восточных мудрецов, утверждавших, что каждый миг нашей жизни может стать новой ступенью восхождения к Духу. Для того чтобы человеческая индивидуальность проявилась, ей совершенно необходимо почувствовать, что она - уникальна в каждый момент времени, в любой своей ипостаси. И посему - ежесекундно способна творить новые миры, нести людям мощный заряд радости и давать, по меткому выражению Евгения Матвеева, «воздух под крыльями».

Режиссерское кредо Федора Сухова - «ставить такие спектакли, чтобы, во-первых, самому не стыдно было бы в них играть». А, во-вторых, «раз уж ты работаешь с детьми, то это должна быть постановка, в которой могут сыграть только дети». Это будет их место, на котором взрослые, даже профессионалы, неизменно фальшивят.

Кто хоть раз побывал на спектаклях Театра на Набережной, будут помнить их. Говорю искренне. Много лет назад я увидел здесь «Иуду Искариота», и мысли, зароненные во мне этим спектаклем, не давали покоя долгие годы. Поражало то, что театр представляет весьма неординарную творческую «поляну», лабораторию, в которой искания режиссера и актерской группы диктуют самые неожиданные театральные формы. Чувствовалось, что это - сотворчество людей, находящихся в совместном поиске. Именно такой под-

ход вывел Федора много позже к его авторской программе «СО-театра», осуществляемой и по сей день в разных странах с детьми и взрослыми, профессионалами и любителями.

Это то, что касается режиссера Федора Сухова. А вот с актером Федором Суховым я познакомилась много лет назад, когда Юрий Сорокин искал исполнителя на главную роль в своей картине «Откровение Иоанна Первопечатника». Федор тогда великолепно сыграл Ивана Федорова. Позже он появлялся на экране в «Фанате», «Американском шпионе», «Зоне Любэ».

Многие зрители наверняка запомнили и забавный эпизод в ленте «Любить по-русски-2» Евгения Матвеева: один из бандитов пытается ударить священника, а священник (Ф. Сухов) с размаху эффектным приемом укладывает обидчика на землю. На вопрос: «Где это приемчиком научился, крыса ты церковная?» следует смиренный ответ: «В десантных войсках, овца ты заблудшая».

В его судьбе было несколько человек, которых Федор уважительно называет «Планетами». Попадая в поле притяжения этих мощных личностей, актер постепенно постигал тайну профессии изнутри, окунаясь в необходимую для творческого (да и личностного) становления питательную среду.

- Я помню день, когда мне позвонили из мастерской Герасимова и предложили приехать познакомиться с Мастером, - рассказывает режиссер. - А я к тому времени уже сыграл роль Максима Горького в «Моих университетах». Приглашение застало врасплох. Толком не успел спросить, зачем я нужен Герасимову, но, конечно, собрался и поехал. Сергей Аполлинариевич набирал тогда курс. Меня встретили в училище, ничего не объяснили и, среди прочих, завели в аудиторию. За столом сидели Макарова, Герасимов и еще какие-то люди. «Читайте». - «Что?» - «Ну что подготовили. Зачем вы сюда пришли?» - «Мне сказали, что со мной хотят поговорить». - «Кто?!» Вижу, как сидящие за столом начинают медленно закипать. Действительно, узнать во мне, стриженном (я снимался тогда в картине «Взять живым»), длинноволосого Горького невозможно.

В конце концов я произношу чудовищную фразу: «Я вас всех не хочу огорчать своими неподготовленными стихами. Но я могу подготовиться». Наконец, тот, кто меня привел, отваживается объяснить Мастеру, что «это тот самый Горький». На что Герасимов задумчиво произносит: «Угу... Чертовски похож». И предлагает мне стать вольным слушателем на его курсе.

Я к тому времени уже учился в энергетическом институте. И мозги мои были абсолютно «компьютерно-техническими». Я предполагал заниматься проблемами искусственного интеллекта. Подозреваю, что предложение Герасимова было вызвано желанием снять меня в роли Горького в его фильме о Льве Толстом. В картину он брал обычно своих учеников.

Наконец, через год обучения меня пригласили на киностудию им. Горького, дали толстенный сценарий, открыли на середине и сказали: «Читайте вот эти полстраницы». Моя роль была размером в два «крупных плана». Усадьба в Крыму, за столом Толстой, Великий князь, две секунды - Горький смотрит потрясенно вдаль, позже - еще две секунды - восхищенно. Прочитав, я развеселился и очень серьезно изрек: «Ответственно. Пойду перечитывать «Клима Самгина».

Но, однако, я действительно оказался в Ялте на веранде вместе с Герасимовым-Толстым. И мне даже дали одну реплику: «Однако, виднеется что-то вдали». А потом, к удивлению, вызвали еще и на озвучание. Меня всегда поражали глубина и мощь личности Сергея Аполлинариевича. Я до сих пор нахожусь в поле его притяжения.

Другой «Планетой» в моей жизни стал Иннокентий Смоктуновский. В нем была такая сила, что в его «атмосфере» можно было сгореть.

Смоктуновский был очень щедр. Чем свободнее человек, тем он щедрее. На озвучании он записывал по 28 дублей к каждому эпизоду. Он тратил себя умеренно. Интеллигентность в нем проявлялась как способность к каждодневному риску, умение взять ответственность за то, что происходит с тобой и другими. Меня поразило, что артист вел ежедневник работы над ролью.

Этого ведь от него, мастера, никто не требовал. Последние шутки Смоктуновского прекращались, когда ему начинали делать грим.

Многому я научился и у Армена Джигарханяна.

Наши пути пересеклись на картине «Расставания» Гавриила Егиазарова. Мы играли двух водителей. Я должен был олицетворять комсомольское щенячество, которое обучалось мужеству. А он впитывал мою жизнерадостность. Джигарханян помогал вроде бы между делом. Однажды мне надо было в кадре доставать домашнюю еду. Армен Борисович вскользь спросил: «Федор, а кто тебе делал эти казенные бутерброды?» - «Реквизитор». - «А в жизни где ты найдешь реквизитора? Или кино для тебя - не жизнь?» Мне стало тогда жутко неудобно за эту свою ложь в профессии. Джигарханян по-восточному точно попал в белевую точку.

Как говорил Сократ Джигарханяна: «Давайте исследуем!», - продолжает Федор Сухов. - Это во многом совпадает и с тем, как я живу и что делаю. Пространство моего исследования на сегодня трехмерно: поиск единения мира детей и взрослых; встреча творческих традиций Запада и Востока; пересечение технического и гуманитарного подходов к осмыслению этого мира. Это мое путешествие в глубь себя, осознанное, ответственное и открытое навстречу другим людям.

Елена КУРБАНОВА.

На снимке: режиссер Театра на Набережной Федор Сухов.

Сухов Федор

19.6.01